

ПОЭТ РИММА КАЗАКОВА – НАШ СОВРЕМЕННИК

София Пазина

В сентябре мы отмечаем двадцатилетие того удивительного дня, когда в газете «Известия» было напечатано стихотворение:

Уезжают русские евреи,
Покидают отчий небосвод.
И кому-то, видно, душу греет
Апокалиптический исход.

Расстаются невозвратно с нами,
С той землей, где их любовь и пот.
Были узы, а теперь узлами,
Словно склад, забит аэропорт.

Что сказать, что к этому добавить?
Чья это победа, чья беда?
Что от них нам остаётся? Память?
Памятники духа и труда.

Удержать их, не пустить могли ли?...
Дождь над Переделкиным дрожит.
А на указателе к могиле
Пастернака выведено «жид»...

Автором этого стихотворения была Римма Казакова.

Римма (Рэмо) Федоровна Казакова родилась 27 января 1932 года в Севастополе. Её отец, Федор Лазаревич Казаков, был военным, а мать, Софья Александровна Шульман, работала секретарем-машинисткой. Имя, данное родителями, означает «Революция, Электрификация, Мировой Октябрь». В 20 лет взяла имя Римма.

Когда она с родителями жила в ГДР, её часто просили выступать с чтением стихов. Однажды, когда её попросили выступить в Дрездене, Римма отказалась. И тогда её отец вынул пистолет и резко бросил: «Откажешься – пристрелю!» В тот раз Римма была вынуждена согласиться на поездку, но это было в последний раз.

Раннее детство Казакова провела в Белоруссии, училась в школе в Ленинграде. После школы она стала студенткой исторического факультета Ленинградского университета.

Однажды в беседе с журналистом журнала «Алеф» Эллой Митиной она рассказала, что, когда была ещё совсем юной, на вопрос мамы, чего она хочет от жизни, Римма ответила: «Хочу сама себя кормить, много ездить и встречаться с интересными людьми». Все эти надежды сбылись. Всю жизнь и кормила себя, и много ездила, и много повидала.

Во время войны была эвакуирована в Удмуртию, в город Глазов.

Семь лет жила на Дальнем Востоке в Хабаровске. Работала лектором, преподавателем, в газете, на киностудии. Потом была Москва, в которой она осталась навсегда. Но в Москве была только прописана, а находилась фактически далеко от неё.

Она объездила весь Советский Союз, весь мир, не была только в Австралии. Все деньги, которые зарабатывала, тратила на путешествия. Но всегда боялась, по выражению одного писателя, стать «чемоданом с наклейками». Она редко писала о тех местах, где

бывала, по её словам, «только если уж сердце было задето». Её любимая страна – Монголия. Даже монголы не понимали, за что она так любит их страну. Она им объясняла: «Монголия – она такая изначальная. Там такая природа! И человек без всех этих небоскребов, без сложных экономических и прочих отношений чувствует и понимает себя гораздо больше. Там тихо и можно заглянуть в себя».

Первые стихи Казаковой, принадлежавшей к поколению шестидесятников наряду с Евтушенко, Окуджавой, Вознесенским, Рождественским, были опубликованы в 1955 году, а уже в 1958 году вышел первый сборник её стихов «Встретимся на Востоке».

В 1959 году Казакова была принята в Союз писателей СССР. В 1964 году окончила высшие литературные курсы при Союзе писателей.

Сложилось так, что в Израиле она никогда не была, и, в отличие от многих других известных людей, которые приезжают в Израиль, как она говорила, «делать деньги», она не хотела этого. А сердце её всегда принадлежало еврейскому народу. Об этом говорят её стихи «Дед похоронен на еврейском кладбище» и «Уезжают русские евреи». Эти стихи были написаны ещё тогда, когда это было определённой смелостью. Она ждала приглашения в Израиль и переживала, что её туда не приглашают, но не считала возможным напрашиваться.

Её имя поместили в Еврейскую энциклопедию. Когда её спросили, как она сама к этому относится, Римма Казакова ответила: «В России национальность считается по отцу, а у евреев – по матери. Я себя считаю русским человеком, но вспоминаю, что во мне течёт еврейская кровь, когда встречаю антисемитов». В её семье сложились такие отношения к этому вопросу, что отец, военный, скрывал, что его жена – еврейка, а когда его спрашивали об этом, он отвечал: «Никак нет, она – караимка». «Нам, (т.е. ей и её брату) с детства внушили, что мать-еврейка – это стыдно». Однажды одна писательница сказала ей: «Хороший ты, Римка, поэт, жаль, что мать у тебя еврейка». А в 60-е годы, когда в Лужниках народ толпами собирался слушать поэтов, она, выйдя к людям, прочитала стихи «Дед мой похоронен на еврейском кладбище». И поэт Василий Федоров отреагировал на это так: «Зачем ты обнародовала своё еврейское происхождение? Мы-то тебя русской считали». На это Казакова ответила ему: «А затем, чтобы знать, кому потом можно подавать руку, а кому – нет. Вот тебе не подам». И далее Казакова продолжила: «Когда я читала эти стихи, я выдавила из себя раба, и не по капле, а целиком и навсегда. Пришла записка из зала: «Не удивляйтесь реакции зала. Но это Ваша победа. Вы сделали это для себя. Вы расстались с угнетающим чувством какой-то вины, неполноценности. Больше этого не будет!». С тех пор Римма, действительно, ничего не боялась. Она знала людей, которым, как и ей, было трудно, по её собственному выражению, «сидеть на двух стульях» А это тяжёлая ноша, она ломает, искажает душу. Самым любимым человеком была её еврейская бабушка Ольга Самойловна, которую любил весь севастьяпольский двор.

Я житейским бесчисленным радуюсь хлопотам.
Их так много, они – как дождевики весенние...
Пережитые беды становятся опытом,
Он не учит, а он создаёт настроение.
Поглядят и подумают: горя не знавшая!
Словно птичка на ветке, – заметят, завидуя.
А в душе я ещё столько боли донашиваю,
И ещё доглотать не успела обиды я.
Но с бездушием рыбьим, со злобой крысиною
Да и с собственной глупостью всё же покончено.
Пережитые беды становятся силою,
И шагаю, как будто танцую, по кочкам я.

Римма Казакова всегда очень болезненно реагировала на любые антисемитские выпады. Так, однажды, когда проходил очередной фатьяновский праздник (Фатьянов, как мы помним, был большой советский поэт), одна женщина, принимающая делегации, заявила: «Как хорошо, что к нам приехали Вы, а то тут был Симонов со своими евреями». Казакова тогда себе сказала, что больше на этот праздник она не придет. Но это была наша страна, это была её страна.

Любить Россию нелегко,
Она в ухабах и траншеях,
И в запахах боёв прошедших,
И в тех, что так недалеко.

Но хоть воздастся, может быть,
Любовью за любовь едва ли,
Безмерная, как эти дали,
Не устаёт душа любить.

.....

Отчизны мёд и молоко
Любую горечь переселят.
И сладостно любить Россию!
Хотя любить и нелегко.

И все они, писатели, поэты, все слои интеллигенции, принимали эту страну такой, какой она была. Как писатель Юлиан Тувим, который жил в Польше и считал себя одновременно и поляком, и евреем. На приеме у болгарского посла она услышала выступление Бедроса Киркорова, который сказал замечательные слова: «Я армянин, и мы, армяне, живущие в Болгарии, называем себя болгарями. Мы тоже защищали от турок страну, сражались на Шипке, мы тоже страдали вместе со всеми». И все, кто был в посольстве, аплодировали Бедросу. Римма Казакова очень болезненно реагировала на тот факт, что один коллега из творческого союза, узнав, что имя её папы Федор Лазаревич, стал копаться в её биографии, но деда её по отцу звали Лазарь Никандрович, а Никандр – не еврейское имя.

Римма Казакова с большим интересом относилась к еврейской поэзии. Однажды ей довелось быть на празднике Хануки в Тюмени, где она с удовольствием слушала еврейские песни. И тогда она поняла, что по темпераменту евреи и русские очень похожи. И позже она сделала компакт-диск еврейского певца Сигалова, который принес ей послушать песни на идиш, и Римма Казакова по подстрочнику сделала сразу на русском языке песню «Гум-балалайка».

Думает парень ночь напролёт,
Ту ли девчонку в жены берёт?
Можно влюбиться и ошибиться
Лучше бы правду знать наперёд!

Потом были переводы песен «А идише мамэ», «Алилуйя», «Чири-бири-бом», «Хава нагилэ», песню про ребе Эли Мейлаха и другие. Вот, например, такие строфы из русской версии «Гивейну, шолом-алейхем!»:

Привет душе одинокой
И тишине нежноокой.
В сиянье глаз и поцелуев
Пускай звучит всегда

Мелодия любви!
Привет вам, шолом-алейхем!
И в этот час, и навеки.
Привет всему, что в человеке
Достойно самой лучшей доли
На земле!

Это была для неё радостная работа. И еврейское было ей не чужое, хотя не только она, но и её мама не говорили на идиш. Когда её стихи в Биробиджане перевели на идиш, она просила свою любимую бабушку прочесть ей их. Как она сама пишет, «Я думаю, и талант мой, если он есть, идёт от смешения кровей!»

Для Риммы Казаковой не чужда была и общественно-политическая работа. Было создано немало стихов, написанных по различным моментам жизни страны. Даже к юбилею Путина она написала поздравление в стихах. Эти стихи были ответной реакцией на его выступление по телевизору, когда она увидела слёзы в его глазах. Там были и такие строчки:

Президент России плачет,
Как обычный человек.
Президент России плачет.
Боль – гримасой – по лицу.
Как убитый горем мальчик
По убитому отцу,
По солдатам, что почили,
Защитив страну в борьбе.
Вряд ли этому учили
Президента в КГБ.

За долгие годы в поэзии, в творчестве, несмотря на её огромную популярность, Государственную премию она не получила. И объясняла это тем, что, хотя книга её стихов вновь и вновь выдвигается на Гос. премию, но это дело тусовочное, дают своим. И эта тема не прошла мимо её строк:

Друг мой премией увенчан,
Счастлив: жизнь не зря прошла.
Мол, хоть человек не вечен,
Вечные его дела.
Но не всех она пленила,
А скорей наоборот.
Государство оценило,
Да оценит ли народ?!

И она знала, что народ её любит. Большинство её стихов написано на лирические темы. А что она думала о любви?

Как ты – так я. Твоё тебе верну.
Вздохну, шагну, живой из пекла выйду.
Я слабая, я руку протяну,
Я сильная, не дам себя в обиду.

И прочь уйду, но не с пустой душой,
Не в затаённой горестной гордыне, –
Уйду другою, не твоей, чужой.
И присно, и вовеки, и отныне.

Вот её слова: «Любовь – главный движитель всего. Но есть прелесть и в жизни, свободной от сумасшествия чувств, которые всегда были двигателем моих стихов. Помню, была влюблена в одного человека, звоню ему, спрашиваю: «Что делаешь?» А он говорит: «Читаю «Анну Каренину». Меня это взбесило, а теперь я уже могу слушать хорошую музыку, читать «Анну Каренину». Я более свободна, чтобы воспринимать жизнь. И всё же, всё же...».

На слова журналиста: «Вы прожили большую и наполненную жизнь. Можете ли Вы сказать, ради чего всё-таки стоит жить? Ради славы? Ради любви?», Римма Казакова ответила: «Когда-то я написала: «И мы дышим, поскольку нам дышится, и живём, потому что живём». Надо просто жить, служить своему призванию, а слава, любовь?...Они тебя найдут, если ты этого стоишь...»

Являясь гражданской активисткой с ярко выраженной позицией, в 2000 году она была одним из авторов письма против возвращения «сталинского» гимна.

А ну-ка вновь при красном флаге,
Под нудный большевистский гимн
Постройте всех, кто жил в ГУЛАГе,
И объяснить сумеете им,
Что это – рынок и свобода,
Не реставрация, и не...
Немножко сталинская мода
В немножко ленинской стране.

Были и такие строки:

Было плохо.
Другу позвонила.
Друг не отозвался на звонок.
Улица молчание хранила.
Каждый дом был тих и одинок.
Нет и почтальона даже... Как мне,
Как вернуть мне мир счастливый мой?
И пришлось по крохотке, по капле
Всё собрать и вновь сложить самой.

В 1964 году, уже многое пережив и многих потеряв, Римма Казакова писала:

Смогли без Бога – сможем без вождя.
Вожди, вожди! Народец ненадёжный.
Гадай: какая там под хвост вожжа,
Куда опять натягивают вожжи...
Послушные – хоть веники вяжи –
Шли за вождём, как за козлом овечки.
Пещерный век, анахронизм, вожди!
Последней веры оплывают свечки.
Лупите, полновесные дожди,
Чтоб и в помине этого не стало!
Аминь, вожди! На пенсию, вожди!

Да здравствует народ! Да сгинет стадо!
Я, может, и не так ещё живу,
Но верю в совесть. По её закону
Я больше лба себе не расшибу
Ни об одну державную икону.

Римма Казакова была убеждена в том, что обязательно должно победить правое дело. В 1976-1981 годах она – секретарь правления Союза писателей Москвы. Позже она была избрана Первым секретарём Союза писателей Москвы, которым являлась до конца жизни. Это был демократический союз, и он не имел правопреемников в стране. Члены этого союза были против разграбления, растаскивания страны, против арендаторов переделкинских дач, против тех, кто нечестными путями с помощью фальшивых документов приватизировал свою собственность. Она от имени Московского союза писателей обращалась к Председателю Верховного суда, видя прямое нарушение законов. На её стороне стояли такие крупные писатели, как Андрей Вознесенский, Владимир Войнович, и этот список можно было бы продолжить. Естественно, существовал немалый список и тех, против кого был направлен этот процесс, но Римма Казакова предпочитала не обнародовать его до подходящего времени.

Как руководитель Союза писателей Москвы, она помогала молодым талантливым писателям издавать книги, а затем проводила обсуждение этих книг. Проходили Дни литературы, встречи с читателями.

Дружила она исключительно с теми людьми, которых считала порядочными. Особенно она гордилась дружбой с Лихачёвым.

Однажды на вопрос корреспондента Матвея Ганопольского, чем можно гордиться в реальной жизни нынешней России, она ответила так: «Не надо ничем гордиться. Любовь к Отечеству предполагает больший акцент к боли народа. Надо больше работать, исправлять сделанное зло, а гордость, гордыня, державность не нравятся мне. Хочу повторить вслед за Лермонтовым: «Люблю Отчизну я, но странною любовью, не победит её рассудок мой...».

Она очень любила Москву, посвятила ей немало проникновенных строк.

...Да, Москва, ты видала немало, Ты себя воспевала и жгла, Ты, быть может, не всё понимала, Но дышала, жила и была. Ты была отупением буден, Опрокинутых в праздничный шквал, И не только вождём на трибуне, А народом, что мимо шагал. Как постичь, где просвет, а где – прочерк, Как, что втоптано, вспомнить, поднять,	Ту же самую Красную площадь Как по-новому сердцем понять? Только дни с дребеденью мирскою, Только лобные дни – не навек. Ты, Москва, остаешься Москвою, Бесконечная, как человек. И враждебной виной не залапать Неубитые наши мечты, И нечистым рукам не залапать Первозданной твоей лепоты!
--	--

Путь к сердцу интеллигента лежит через книгу. Римма Казакова выпустила больше десяти поэтических сборников, которые пользовались невероятной популярностью у читателей 60 – 70-х годов.

Общественная работа не давала денег, как и поэзия. Римма Казакова стала писать песенки, как она сама их называла.

Путь к народной любви лежит через телевизор. В 70-е годы вся страна напевала «Ненаглядный мой», в 80-е – «Мадонну» и «Ты меня любишь». Тексты к этим шлягерам сочинила Римма Казакова. Приведу несколько строчек из песни «Ненаглядный мой».

Постарею, побелею,
Как земля зимой.
Я тобой переболею,
Ненаглядный мой.

.....
До небес и бездн достану,
Время торопя.
И совсем твоею стану –
Только без тебя...

Вот это участие в шоу-бизнесе позволяло ей как-то существовать. С некоторыми композиторами и певцами она работала плодотворно и охотно. К их числу она относила Елену Ильину, Александра Серова, который исполнял с удовольствием её песни. Её песни пели Алла Пугачева, Филипп Киркоров, Ирина Аллегрова.

Путь к сердцу эстета лежит через замысловатый текст. Римма Федоровна снабдила русскую литературу изрядным количеством таких текстов.

Римма Федоровна Казакова принимала деятельное участие в издании газеты «Информпространство».

Поэтесса скончалась 19 мая 2008 года в санатории посёлка Перхушково, она была похоронена 22 мая 2008 года на Ваганьковском кладбище в Москве, недалеко от могил Игоря Талькова, Михаила Танича, Булата Окуджавы. Поэты и поэтесса... Кто-то сравнил смерть от тромба со смертью от пули. Миг – и нет человека. Но от поэта на долгие годы остаются стихи, и пока люди их помнят, поэт остаётся живым.

Мать меня зовет под утро: «Мама!»
Я не мама, я ей только дочь,
Я ничем ей не могу помочь,
Это время счёт ведёт упрямо.
Это жизнь уходит в небеса,
Ставится единственная точка...
А когда она на полчаса
Вдруг в себя придёт,
Прошепчет «Дочка...».

Вечность обнимает нас в покое,
Что-то обещает мне и ей,
И качает твердою рукою
Колыбельку матери моей...

Она была матерью писателя Егора Радова. Во время службы в армии он пристрастился к алкоголю и наркотикам, в частности, к героину. Римма Казакова приложила немало сил и средств, чтобы увести его от этой пагубной страсти. Он был талантливым писателем, написал 10 романов, 11-й, неоконченный, остался в компьютере. В начале 2009 года он уехал со своей дочерью в Непал, где скоропостижно скончался. Внук её – молодой политик, поддерживающий Путина, Алексей Радов. Её мужем был известный писатель, очеркист Георгий Радов, много лет отдавший работе в газете «Правда».

В июле 2008 года для поощрения молодых поэтов, не достигших возраста 35 лет, была учреждена литературная премия имени Риммы Казаковой – «Начало». Церемония

награждения будет проходить в день смерти поэтессы, 19 мая. Положение о премии не предполагает её ежегодного вручения. По утверждению организаторов, она будет вручаться при «наличии достойных кандидатов и денежных средств».

Источники

1. <http://ru.wikipedia.org>
2. <http://echo.msk.ru/programs>
3. <http://www.sem40.ru/famous2/ml471.shtml>